

ВИТА
БОЛЬШЕ
НЕ
ДОЛЬЧЕ

Елена Трозовская

Елена Грозовская

Вита больше не дольче

«Автор»

2024

Грозовская Е.

Вита больше не долече / Е. Грозовская — «Автор», 2024

Действие в романе происходит в интеллигентной состоятельной московской семье в 50-90 годы. Среди родных, в кругу которых растёт девочка Ева, нет пьяниц, уголовных элементов, наркоманов. Близкие любят друг друга. Казалось бы, счастливое детство ребёнка, растущего в такой семье, обеспечено. Но борьба взрослых за место под солнцем, предательство и соперничество с раннего детства определяют судьбу Евы. С потерей близкого человека исчезает и её детский мирок. События в романе разворачиваются издалека, знакомя читателей со старшим поколением, переходя из послевоенного времени в недавнее прошлое. Один плохой поступок деда (бабушки, тёти, сестры) способен уничтожить целую семью, оставить незаживающие раны в душе на долгие годы. На мир взрослых смотрит стойкая маленькая девочка, сохранившая в себе не только достоинство, но доброту, сочувствие, способность любить. Новеллы похожи на туманные воспоминания, на забытый далёкий сон, прошедший широким росчерком через всю жизнь.

© Грозовская Е., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Ангел	6
Лента	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Елена Грозовская

Вита больше не дольче

Роман в новеллах

Dolce vita – «сладкая жизнь»,
итальянский фразеологизм.

Ангел

1

От Пенягино надо повернуть направо и проехать ещё метров четыреста. На переезде, не доезжая здания Госкиноархива, сразу посмотреть направо. Вот тогда-то, всего пару секунд, в роще новостроек, складов Шоколадной фабрики будут видны два высоких дерева: дуб и липа.

Дед сажал. Давно. После войны. Пчёл прикармливать – липу, а дуб, потому что любил дубы и деревья вообще, и чтобы дом было видно с дороги.

Дуб рос на границе сада, а липа – у калитки. Теперь только они и остались – два дерева. Ни калитки, ни сада, ни дома – уже нет. И тропинка осталась, протоптанная миллионом следов: хромовых сапог и штиблетов деда; ботинок дяди Миши, Саши, Вали; ботиночек родных и двоюродных сестёр; туфель, босоножек, ботильонов, кед, гамаш, калош, валенок – бабушки, мамы, её подружек, тётки, тёткиных собутыльников, десятков жилищек из Медицинского училища, снимавших в доме комнаты, соседок, почтальонов, цыганок и двух воров, сбежавших из тюрьмы за переездом.

Тропинку за семьдесят лет жизни дома протоптали основательно. Вероятно, след от каблуков разной величины уходил под землю до слоя грунтовых вод, даже глубже, потому что колодец у калитки, из которого раньше мог напиться любой прохожий, идущий по дороге вдоль забора к речке или на старое кладбище, после смерти бабушки пересох. Затаптали живую водицу страждущие, идущие к Марии за солью, утешением, рублём, треской в морковном маринаде, яблочным сидром, ночлегом.

От калитки до тупиковой ветки железной дороги по узкой тропике – сто с половиной детских шагов. По железной дороге до шлагбаума у дома обходчицы, бабы Моти – сколько шагов, не знаю, а шпал, деревянных, просмоленных, вросших в просевшую насыпь – ровно двести девяносто восемь.

Это не просто шпалы и рельсы, протянувшиеся на километр до ворот городской тюрьмы. Это учебник арифметики, по которому я училась считать: в прямом и обратном порядке, через шпалу или через две, складывая и вычитая.

Азбукой мне служил сельский магазинчик с крупной надписью над дверью «Гастроном», и помельче в витрине: «бакалея», «консервы», «кондитерские изделия», «диетические продукты», «мясо, птица», «молоко». Пока я не умела читать, слова казались полной бессмыслицей, набором странных значков, таинство которых приоткрылось, когда дед купил мне кубики с буквами. Слова не обрели большего смысла, но по крайней мере, я теперь знала, как эту чепуху читать.

За шлагбаум бабушка запрещала выходить. Рассохшаяся, с облупившейся чёрно-белой краской полосатая дубина охраняла границу пятилетнего детского мира. Никто не знал, а я-то... несколько раз сбегала под шумок в порыве непослушания, любопытства и беспредельной смелости. У шлагбаума начиналась дорога, Волоколамское шоссе, ведущее в неизвестность: к памятнику Героям Панфиловцам – направо, а налево – в Москву.

Мне не хотелось ни к героям, ни в Москву, и я возвращалась, отсчитав двести девяносто восемь шпал до тропинки и сто с половиной шагов до калитки. И ещё тридцать квадратных красных плиток от калитки вдоль палисадника до крыльца дома.

Участок продали. Дом снесли. Освободили место для складов шоколадной фабрики. Это хорошо, что дома нет...

Большой был дом. Огромный. В восемь просторных, светлых комнат и две веранды, не считая нежилых мансарды, чердака и подвала. Чёрный двор, конюшня, птичий двор, дровяной сарай, угольный склад, мастерская, летний гостевой домик, огород, сад на пятьдесят соток, картофельный участок – на тридцать, малинник, пасека и уходящий под склон вид на реку и заливной луг с пятнами колхозных коров – с детства и навсегда запомнились.

До-о-ом! А рядом – что-то вечнозелёное, сочное, высокое, голубое! Радостное! Речка путалась в траве заливного луга. Только и можно её приметить по кустам ракиты, круглыми папахами облепившей скользкие, кисельные берега. На горке, над обрывом – местная Пизанская башня – деревянный, горнолыжный трамплин. Мама говорила, что «папа с него прыгал».

– Куда? – удивлялась я.

– Как куда? Вверх! – радостно взмахивала руками мама.

– Там же обрыв! – ужасалась я.

– Зимой, когда снег глубокий – не страшно, – пожимала плечами мама и уходила курить на кухню.

За забором, вдоль дороги высились пышные тополя, посаженные дедом. Стройные, гладкие гиганты. Теперь их обкорнали, как пуделей, чтобы не летал тополиный пух.

Дед любил тополя. И посадил их – не счесть, по всему посёлку.

В детстве я спрашивала маму:

– А кем работает дедушка?

– Никем, – отвечала мама.

Я в толк не могла взять, как это, «никем»?

Потом мама, всё-таки сказала, что дедушка окончил Лесной институт.

– Так он лесник? – не отставала я.

– Нет.

– А кто?

– Никто.

После десятой попытки, нехотя, мама призналась, что дедушка «возит» дядю Мишу.

– А кто такой «дядя Миша»? – от развитой пятилетки, умевшей бегло читать и считать, нелегко было отвязаться.

– Дядя Миша недосыгаем, – отвечала мама и поднимала глаза куда-то вверх.

Я смотрела наверх, в облака, плывшие за Красную горку, и не могла поверить, что дядя Миша так высоко.

– Он что, ангел?

– Нет, он бабушкин брат.

– А почему тогда он – недосыгаем?

– Потому что дядя Миша – председатель Центросоюза СССР, – отвечала мама непонятно.

Я вздыхала и отставала на время, усвоив, что дедушка «возит» дядю Мишу-председателя. Куда возит, зачем возит – оставалось загадкой. Неужели, ещё дальше, чем памятник Героям Панфиловцам или в Москву? Зачем куда-то ездить, если в доме и в окрестностях – рай.

– Он сюда не спускается?

– Нет, – отрезала мама.

– А как же бабушка Мария?

– Бабушка – здесь, а дядя Миша – там.

– А дедушка?

– Дедушка – между ними.

Однажды дядя Миша всё-таки спустился к сестре.

Большая, тёмно-серая машина, сверкая новенькой краской, остановилась у калитки. Из-за руля вышел дед. По-своему элегантен, как и любой высокий, хорошо скроенный мужчина. Как всегда, в пиджаке, при галстучке, ладно лежащем на тонкой голубой сорочке в полоску, в острых стрелках, заправленных в хромовые сапоги. Он открыл заднюю дверь и выпустил из недр лимузина своего «двойника». Такого же высокого, сухопарого, средних лет чернявого мужчину с пронзительными, чёрными глазами. Я зачарованно смотрела на тонкий профиль, худое, усталое лицо, горбинку на переносице.

Бабушка засуетилась, но брат остановил её:

– Мария, мы в дом не пойдём... наследим тебе. Только что из полей, – дядя Миша махнул рукой куда-то в сторону Красногорска, – накрой нам, по-быстренькому, в саду.

– Мишенька, окрошка только готова. Ничего больше...

– Окрошка? Прекра-а-асно! Сто лет не ел окрошки!

Дядя Миша присел передо мной на корточках. От него тонко, приятно пахло табаком, одеколоном, тёплым хлопком чистой рубашки:

– Как звать тебя, девочка?

– Ева.

Дядя протянул конфету. Дед за спиной еле заметно кивнул, и я взяла, вежливо поблагодарив.

Белокурые кудри, которыми в избытке я была одарена в раннем детстве, пышное платье с рукавами-фонариками и стеснительная улыбка – действовали на всех взрослых одинаково: меня тут же брали на руки.

Следующие полчаса я сидела на коленях у дяди Миши и из его тарелки ела окрошку. Бабушка пыталась безуспешно отодрать от высокого гостя прилипчивое дитя. Но дядя не давал:

– Пусть ест, Мария. Она мне тоже внучка. Кушай, мой ангел.

На прощанье дядя Миша, всё же, зашёл в дом. Он стоял на веранде, прикрыв за собой дверь. Я любопытным зверьком вертелась под ногами. Из внутреннего кармана пиджака дядя Миша вынул внушительную пачку денег и протянул сестре:

– Не отказывайся, Маша. Ты знаешь, мне много не надо. Я один, а у тебя – семья.

– Ангел-Хранитель, ты, Миша, – лепетала в слезах бабушка, – это же твой дом. Если бы не ты, ничего бы у нас не было.

Дядя Миша ласково обнял сестру и поцеловал в сидящий висок:

– Пустяки, – и добавил, нагнувшись ко мне, – хочешь, Ева, я буду твоим Ангелом-Хранителем?

– Хочу, – убеждённо кивнула я головой.

– В следующий раз подарю тебе куклу. Немецкую. Хочешь?

– Она умеет говорить по-немецки? – спросила я серьёзно.

Дядя Миша громко рассмеялся и вышел за дверь.

Дед оглянулся на Марию. Смял каблуком сапога окурок «Герцеговины Флор» и пошёл вслед за шурином. Никогда я не видела в его лице такой отрешённости и пустоты.

– Мама, а у меня теперь есть Ангел-Хранитель, – сообщила я гордо в Москве.

– Да? – равнодушно посмотрела мама и пошла на кухню курить.

– Дядя Миша спустился к нам, и мы вместе с дедушкой и бабушкой ели окрошку, – прокричала я в закрытую дверь.

– Ела окрошку? Разве ты любишь квас? – удивлённое мамино лицо выглянуло в широкую щель, и из кухни вкусно пахло «Союз-Аполлоном».

– Люблю.

– И дед ел вместе в вами?

– Ел, только молчал всё время. Потом они с дядей Мишей сели в машину, каждый на своё место, и уехали.

2

Тогда я не знала, как это важно, когда каждый занимает своё, отведённое ему место.

Всё перепуталось, как только своё место потерял дядя Миша. Говорят, всему виной было анонимное письмо. В нём сообщалось, что он, де, берет взятки в особо крупных размерах, а деньги хранит у сестры.

Невольно я стала свидетельницей трагедии. Моя сестра-близнец снова заболела ангиной, и меня, в который раз, отправили гостить за город.

Однажды бабушкин дом заполнили люди в штатском и в форме. Они ходили по дому, рылись в комодах и шкафах, что-то писали, задавали вопросы. Дядя Миша стоял у стола в гостиной, бледный, как полотно. В ящике буфета нашли пачку денег, ту самую, что он месяцем ранее отдал бабушке. Искоса посмотрел он на деда. Но шурин отвернулся. Лицо его было непроницаемо и безжизненно.

Дядя Миша быстро подыскал себе новое место – на кладбище неподалёку. Сердце не выдержало.

Следом за дядей Мишей (одновременно с ним) потерял место дедушка. Но строго говоря, это место никогда его не красило. Рядом с бабушкой Марией дед места не нашёл. Её место, законной супруги, вполне живой и здоровой женщины, заняла сестра жены сына, отбившая деда. В семье ползли упорные слухи, что распутная свояченица беременна. Бабушку Марию хватил удар, она слегла и вскоре обрела место рядом с братом, дядей Мишей.

Никто и предположить не мог, что ровно через месяц за ней отправится дед, крепкий, совсем нестарый ещё мужчина.

Мама говорила: «Это мать отца за собой позвала».

Родной брат моей мамы, дядя Ваня, последние часы перед смертью деда провёл в больнице, у его кровати, и заставил-таки умирающего от рака отца изменить завещание в свою пользу.

Свояченица осталась с носом.

И мама тоже... не солоно хлебавши. Но она лишь вольно перекинула громадную косу через плечо и затянулась сигареткой:

– Мне не надо.

Дядя Ваня переселил в дом престарелую тёщу. Но мудрая старушка, осознав, что живёт не на своём месте, скончалась, не пережив зимы.

Нескончаемая череда смертей жутко подействовала на родню и соседей. Дом, как зачумлённый, обходили стороной. Год он пустовал. Одичавший сад кивал гроздьями персидской сирени редким прохожим, заманивал наливными яблоками деревенских мальчишек, пока дядя Ваня, не отселил в дом жену, алкоголичку со стажем ещё с Кубы, быстро превратившую честный семейный очаг в бомжатник и притон для алкашей-сожителей.

Восемь комнат, две веранды, мансарда, чердак и подвал... Жуткая вонь попойки и мочи.

Тётю определили на лечение в клинику для алкашей. Там ей было и место, все так считали. А её место в доме тут же заняла старая любовница дяди Вани. В прямом смысле, старая, усатая, кривоногая деревенская баба с шестилетним ребёнком, которого она успешно выдала дяде за «его сына».

Прожили они вместе ровно столько, сколько понадобилось новой «молодой» жене, чтобы всё имущество мужа, включая дом, переписать на «сына».

А дальше, всё по схеме: «кондрашка» дяди Вани – развод – раздел имущества – отъезд дяди в квартиру обделённой наследством дочери – тяжёлая болезнь – мучительная смерть.

Когда дом перешёл в чужие «сыновьи» руки, о нём забыли, запустили, сдали задёшево, потом продали, деньги поделили, ещё раз продали, и ещё раз...

3

Много лет прошло с тех пор. О том, что дома больше нет, я узнала из сна... и интернета. Приснится же такое.

Во сне дело происходило вечером в этом самом, несчастливом бабушкином доме.

Восемь комнат, две веранды, не считая нежилой мансарды, чердака и подвала... чёрный двор, конюшня, птичник... огород, пятьдесят соток сада... тридцать соток под картошку...

В гостиной четверо. На диване и вокруг стола в креслах: я, муж, его лучший друг и незнакомый, молодой, очень широкоплечий мужчина, обнажённый по пояс. Друзья разговаривали, обсуждали квалификацию на пятом этапе Гран-при. Обнажённый молчал, в разговор не вступал.

Внезапно мне показалось, что в дом кто-то вошёл. Я спустилась по ступеням из гостиной в столовую, прошла в прихожую, оттуда на веранду. Успела закрыть парадную дверь, когда с другой стороны веранды, с чёрного двора, по высокой лестнице поднялся сухощавый мужчина, одетый, как мой дед... в его одежду. Дедова одёжка незнакомцу была безнадежно коротка. Рукава пиджака и тёмной сорочки едва достигали середины локтя, полы топорчились чуть ниже пояса, хромовые сапоги – смялись до середины икры.

Незнакомец косил под своего. Вот только косы при нём не было. В руке он держал белую тряпку и протянул мне её с предложением купить.

Не то чтобы я испугалась, но сердце похолодело, и я крикнула мужчинам в гостиной, чтобы незнакомец знал, что в доме полно народу. На зов сразу явились все: и муж, и лучший друг, и обнажённый по пояс.

Незнакомец застыл на месте. Трудно описать более бесстрастное, равнодушное и непроницаемое выражение лица. Горбоносое, худое, неподвижное, жестокое, лишённое чувств и малейшего сострадания – оно смотрело на меня. Незнакомец оценил обстановку и снова предложил купить белую ткань, на этот раз, мужчинам. Сказал, что если приложить саван к косяку, то никто дверь ни с наружи, ни изнутри открыть не сможет. Прекрасная защита от воров. И с готовностью продемонстрировал, приглашая проверить всех остальных.

Одного не учёл хитрец, что между ним и мужчинами встанет широкоплечий мальчик, обнажённый по пояс.

Всё произошло быстро. На смуглой спине широкоплечего, у поясицы, выше пояса кожаных брюк, перевязанных крест на крест в икрах онучами, вдруг зарыбило, запестрело, задвигалось по дуге нечто. На глазах, вырастая в размерах, развернулось во всю ширину и превратилось в крылья. Взмах, и широкоплечий чуть поднялся над полом. Ещё взмах, и незваный гость отступил.

Я рассматривала широкоплечего со спины. Развернутые крылья огромные, пёстрые, рядами из чёрного в белый и в тёмно-коричневый.

Ангел чуть повернул голову. Тонкий профиль, худое лицо, горбинка на переносице.

Где-то я уже видела этого темноволосого мужчину с пронзительными, чёрными глазами...

Сон оборвался мгновенно. Я проснулась в ледяном поту и потянулась за пачкой сигарет. Сердце колотилось, как бешеное.

Муж, завернутый в кокон одеяла, сладко спал, крепко обняв подушку.

«Мать твою... где зажигалка?» – нащупала в темноте пушистый меховой тапок, вытянула из кресла полу халата, влезла в рукава, пошла на кухню.

Стекло айфона высветило крупно четыре тридцать утра.

Пальцы легко летали над панелью планшета. Набрала в строке браузера адрес.

«Улица Почтовая, дом шестьдесят... Новости... лента-ру... что там? Пожар? Вчера? Сгорели люди... три человека! Старая проводка! Дом восстановлению не подлежит... снесли, значит...»

«А мама моя – умная женщина... что не оспорила завещания...», – я вытерла холодный пот на лбу и залпом выпила стакан воды.

Лента

Первый раз Галка увидела Хаски, когда он приехал с родителями на каникулы в гости к тётке Марии.

Был ноябрь. Закачивалась осень. Холодно, промозгло, серо.

Вечерело. Шёл мелкий, колючий снег. Ветер резко бросал в окна мёрзлую крупу, рвал последние сухие листья в саду, стучал ветками яблонь по шиферной крыше большого подмосковного, частного дома у железной дороги.

У калитки остановилось такси. Из него вышел рослый мужчина в длинном пальто и фетровой шляпе. Он протянул руку и помог выйти из машины худенькой, болезненно бледной женщине, пятилетнему карапузу в валенках, закутанному и неповоротливому, как скрученный матрас.

Последним из машины вышел Хаски.

На вид – лет двенадцати. В коротком, чёрном пальто, в кепке, надвинутой на строгие глаза, мальчик выглядел старше, но матовая, атласная кожа, какой она бывает у детей, не вступивших в пубертатный период, выдавала его настоящий возраст.

Хаски зябко поёжился под порывом сырого ветра, потёр сухие ладони, вовремя ухватил за шарф и встряхнул, как куль завалившегося было на бок брата.

Галка, прилипла носом к двойной, зимней раме низкого окна. Навстречу гостям, набросив на плечи густую, шерстяную шаль, спустилась с крыльца мама, побежала к калитке, быстро стуча каблуками по мёрзлой кирпичной дорожке, счастливо улыбаясь брату, невестке и племянникам.

Они вошли в дом, впустив в прихожую шорох шин отъезжающего такси, порыв холодного ветра и запах прелого, морозного сада. Дверь, оббитая многослойной ватой и дерматином, закрылась за гостями, и мир вновь затих, задохнулся в тепле, в аромате пирогов с капустой, котлет и варёной картошки.

Мамин старший брат, дядя Коля, окончил Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии. Почти сразу уехал из родного города к Белому морю, рыть котлован для космодрома в Плесецке. Там, в Плесецке, осел, довольно поздно женился на задорной и жизнерадостной Розе Зальца. От первого брака у Розы был сын, Хаски, через год – она родила второго, Петю, а ещё через пять дядя Коля привёз Розу в Москву, в надежде преодолеть стараниями столичных светил неизлечимый недуг, от которого она умрёт через полгода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.